

DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-2-448-473

ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА РЕЛИГИОЗНО-ЭКСТРЕМИСТСКИХ ТЕКСТОВ В ПРОЦЕССЕ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

А.С. БОРИСОВА¹, Ж.В. КУРГУЗЁНКОВА², В.Д. НИКИШИН³

¹Российский университет дружбы народов
117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

²Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
119606, Москва, Проспект Вернадского, д. 84

³Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина
125993, Россия, Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Экстремизм представляет собой одну из наиболее опасных угроз для человечества в XXI веке. Распространение данного явления в мире характеризуется не только увеличением количества преступлений экстремистской направленности, но и многообразием форм их проявления. В настоящее время в судебном производстве РФ по делам о противодействии словесному (вербальному) религиозному экстремизму часто рассматриваются переводные тексты, а также тексты, включающие иноязычную речь. В статье освещаются теоретические основы судебно-лингвистической экспертологии, задачи, стоящие перед лингвистом-переводчиком, выступающим в роли эксперта, очерчиваются пределы его компетенции. Авторы выявляют комплекс проблем, возникающих в процессе перевода религиозно-экстремистских текстов; определяют стратегии и тактики, позволяющие адекватно воссоздать на другом языке продукт, эквивалентный оригинальному тексту. Эквивалентность перевода рассматривается в рамках концепции «нейтрализации», заключающейся в необходимости соответствовать установленным переводческим нормам наряду с передачей коммуникативной цели высказывания, учета контекста и лингводискурсионных особенностей. Материалом исследования послужили разножанровые тексты интернет-коммуникации на английском и французском языках, содержащие информацию религиозно-экстремистской направленности (посты, репосты, мемы, лозунги, сообщения и авторские комментарии в социальных сетях). Данные виды текстов обладают как общими (*мультимедийность, креолизованность, гипертекстуальность*), так и отличительными чертами (*регламентированность, характер направленности на адресата, лингвостилистические особенности*). В работе применялись методы контекстуального, структурно-семантического, сравнительно-сопоставительного и лингвокультурологического анализа. В целом статья ориентирована на специалистов в области юридической лингвистики, теории и практики перевода, дискурс-анализа.

Ключевые слова: *юридическая лингвистика, судебно-лингвистическая экспертиза, религиозно-экстремистский текст, интернет-коммуникация, перевод*

1. ВВЕДЕНИЕ

Общепризнанным является утверждение о том, что любые проявления коммуникативного взаимодействия порождают необходимость правового регулирования. Проблема юридизации языка заключается в балансировании между языко-

выми и правовыми нормами. Иными словами, речь идет о системном изучении языка в рамках законов, определяющих вовлечение конкретных речезыковых явлений в юридическую практику. Данная проблематика находится в фокусе внимания юридической лингвистики — междисциплинарной отрасли научного знания, последовательно занимающейся исследованиями правовых аспектов языка.

В настоящее время юридическая лингвистика представляет собой консолидирующую исследовательскую парадигму, к которой, помимо правоведов, проявляют активный интерес специалисты, занимающиеся научными изысканиями в русле актуальных лингвистических проблем междисциплинарного характера, раскрывающих взаимодействие языка, культуры, сознания и коммуникации.

Среди современных ученых-юристов, изучающих различные взаимоотношения права, закона и языка, целесообразно упомянуть *В.М. Баранова, В.А. Бурковскую, Т.В. Губаеву, Д.А. Керимова, В.П. Малкова, Л.А. Морозову, В.М. Савицкого, А.А. Ушкакова*. Важный вклад в осмыслении языковых аспектов юриспруденции, теории и практики лингвокриминалистики, лингвоэкспертологии, речеведения и переводоведения внесли лингвисты *А.Н. Баранов, К.И. Бринёв, Н.Д. Голев, Е.И. Гальяшина, Д. А. Дубровский, В.И. Жельвис, Л.П. Крысин, В.И. Карасик, А.А. Леонтьев, И.Б. Левонтина, Н.Б. Мечковская, В.П. Нерознак, В.И. Озюменко, Ю.В. Рождественский, И.А. Стернин, Ю.С. Сорокина, Ю. А. Сафонова, Т.В. Чернышева, А.П. Чудинов* и др.

В целом, *актуальность* рассмотрения проблематики перевода иноязычных религиозно-экстремистских текстов обуславливается значимостью юридического функционирования языка и потребностью его изучения с лингвистических позиций:

1. Тесная взаимосвязь юридической и лингвистической наук позволяет исследователям познавать язык не в «самом себе и для себя», а сквозь призму смежных с ним явлений. В результате происходит своего рода глобализация объекта лингвистического анализа: изучение отдельных лингвистических единиц сменяется изучением дискурса. В отечественной и зарубежной лингвистике понятие дискурс рассматривается «как язык в его функционировании, в отличие от языка как системы» (Mils, 2016), «как текст, погруженный в жизнь» (Арутюнова, 1998) или «текст в ситуации общения» (Карасик, 2002). Дискурс определяется контекстом, который создает текст и его структуру. Понятие «контекст» имеет широкое значение, подразумевает ситуативные условия, психологические факторы, влияющие на процесс коммуникации, а также весь прежний опыт участников речевого взаимодействия (Ларина, 2017:3). В этой связи юридическое функционирование религиозных текстов экстремистской направленности, фиксирующих конфликтные отношения или способные их спровоцировать, нуждается в комплексном анализе, с максимальным учетом социальных, этнокультурных, психологических и ситуативных наслоений.

2. В современном российском обществе под влиянием экономических, политических и социальных факторов наблюдается насущная потребность в исследовании юридического аспекта языка. Язык имманентен праву, и их взаимодействие требует системного изучения и регуляризации. Особую значимость приобретает «социальный заказ» на проведение судебной лингвистической экспертизы мате-

риалов предположительно религиозно-экстремистской направленности. Значимость подобного рода экспертизы обусловлена активным распространением в виртуальном пространстве (в свободном доступе) деструктивных идей, направленных на возбуждение ненависти к различным религиозным конфессиям, унижение чувств верующих, пропаганды религиозного терроризма.

3. На сегодняшний день функционал средств массовой информации крайне разнообразен. Современные СМИ зачастую устанавливают мировоззренческие и поведенческие ориентиры, создают и контролируют настроения в социуме, «жонглируют» общественным мнением в угоду той или иной конъюнктуры. Всемирная паутина, в сравнении с любыми традиционными СМИ (пресса, радио, телевидение), обладает колоссальными возможностями воздействия на массовое сознание людей, в силу своей доступности, публичности, скорости распространения информации, условий анонимности и пр. Совершенно очевидно, что в руках недобросовестных манипуляторов Интернет становится крайне опасным оружием. Если виртуальное пространство активно эксплуатируется пользователями, придерживающихся экстремистских убеждений, если данные пользователи обладают определенной репутацией и авторитетом, то последствия от публикуемых ими материалов могут быть непредсказуемы.

В этой связи наука обязана реагировать на запросы социума посредством увеличения числа прикладных задач, требующих специального осмысления. Восребованность судебной лингвистической экспертизы показывает, что это новый вид прикладного языковедческого исследования, которое необходимо проводить в соответствии с определенными правилами и для особых целей.

Настоящая статья выполнена в русле указанной проблематики. *Объектом* исследования являются иноязычные религиозно-экстремистские тексты, распространяемые в сети Интернет, а *предметом* вербальные средства манипуляции общественным сознанием, создающие трудности для перевода в процессе судебно-лингвистической экспертизы. Целесообразно уточнить, что дефиниция текста как религиозно-экстремистского подразумевает как его правовой статус, так и присутствие в нем элементов, граничащих по форме с «языком вражды», а по содержанию с экстремизмом.

Эмпирическую базу исследования составили 70 разножанровых текстов (посты, репосты, мемы, лозунги, авторские комментарии), размещенные в виртуальном пространстве в период с 2015—2017 гг., в частности в таких популярных социальных сетях, как: *Facebook, Twitter, LiveJournal*. Отметим, что выбор текстов, содержащих различные признаки религиозного экстремизма в качестве исследовательского материала, не случаен. Религиозный и национальный экстремизм — одна из самых серьезных проблем мирового сообщества. Кроме того, сам термин «экстремизм» синонимичен понятиям «национализм» и «сепаратизм».

Цель статьи заключается в том, чтобы очертить круг задач, стоящих перед лингвистом-переводчиком, выступающим в роли эксперта в процессе судебно-лингвистической экспертизы; выявить, описать и проанализировать комплекс проблем, возникающих при переводе религиозно-экстремистских текстов; определить стратегии и тактики, позволяющие адекватно воссоздать на другом языке информацию, эквивалентную оригиналу.

2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ К ИССЛЕДОВАНИЮ

2.1. Понятия «экстремизм», «религиозный экстремизм»: определение и виды

В последние десятилетия общество сталкивается с таким многогранным по форме и содержанию явлением, как экстремизм, который представляет серьезную угрозу безопасности для мировых держав и их населения, влечет за собой весомые экономические, политические, нравственные, а самое главное — человеческие потери.

В толковом словаре иноязычных слов отечественного лингвиста Л.П. Крысина понятие «экстремизм» трактуется как «*приверженность крайним взглядам и мерам*» (Крысин 2006).

Юридическое определение данного термина прописано в тексте «Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» от 15 июня 2001 года:

«Экстремизм — какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством сторон» (<http://www.mid.ru>).

Традиционно различаются такие виды экстремизма, как политический, национальный и религиозный.

Религиозный экстремизм (далее РЭ) обычно определяется как проявление нетерпимости к членам различных конфессий или противоборство внутри отдельного религиозного сообщества. Кроме того, в современных реалиях это явление тесно переплетается с религиозным фундаментализмом, т.е. осознанным стремлением создать или же воссоздать истинную («свою») цивилизацию, свободную от чужих (чуждых) идей. Обобщая данное понятие, можно сказать, что РЭ представляет собой приверженность в религии к крайним убеждениям и действия, а его фундамент составляют агрессия, насилие, жестокость в сочетании с демагогией.

В наши дни РЭ непосредственно связан с различными религиозными организациями, которые прикрываясь вероучениями ведут массовую пропаганду своих личных интересов, контролируя сознание индивида и оказывая деструктивное влияние на его личность. Более того, активно продолжает крепнуть связь с религиозным терроризмом. Международные политологи полагают, что зарождение религиозного терроризма произошло в Иране (Революция 1980 г.). В этот период под словом «религиозный» подразумевался исключительно исламский терроризм. Однако современные экстремистские и террористические организации связаны с самыми разными мировыми религиями, культурами и сектами. Основная задача, которую ставит перед собой РЭ — это распространение и признание единственной веры, уничтожение иных религиозных конфессий, насильственное присоединение их к своей вере.

Совершенно очевидно, что РЭ — не случайное явление, оно имеет объективные причины возникновения. Важно подчеркнуть, что на сегодняшний день нет ни одного отдельного фактора, на который можно было бы возложить ответственность за развитие экстремизма в целом, и РЭ в частности. Это сложный феномен с различными прямыми и косвенными предпосылками, часть из которых берет начало в прошлом, а часть в настоящем. По мнению Е.И. Галяшиной, его корни *«лежат в обострении социально-политических и экономических противоречий, порождающих конфликты в обществе и вызывающих их разрешение насильственным путем»* (Галяшина, 2006). Однако целесообразно предположить, что одна из главных причин появления РЭ кроется в самом человеке, в противоречиях между его внутренним миром и окружающей действительностью. Внутренние психологические проблемы вполне могут привести индивида или группу индивидов к нетерпимости, жестокому и агрессивному поведению.

Федеральный закон РФ «О противодействии экстремистской деятельности» дает четкое определение и конкретное описание действий, квалифицирующихся как экстремистские. Рассмотрим некоторые из них: публичное оправдание терроризма; возбуждение национальной, расовой, социальной и религиозной вражды; пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики/символики; публичные призывы к осуществлению противоправных деяний или массовое распространение заведомо экстремистских материалов, их изготовление и хранение; финансирование, организация и подготовка вышеуказанных деяний, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг¹.

Некоторые из вышеперечисленных действий, в частности пропаганда и публичные призывы, обладают признаками языкового экстремизма, т.е. реализуются посредством различных языковых средств, а соответственно, могут выступать в качестве объекта лингвистических научных изысканий.

2.2. Словесный (вербальный) религиозный экстремизм: «риторика ненависти»

Бурное развитие информационно-коммуникативных технологий породило абсолютно новые стандарты подачи информации и ее восприятия: информация из категории получаемых и передаваемых сведений постепенно превращается в инструмент управления и манипуляции общественным сознанием, новый способ совершения преступлений и ведения войн. Если в начале XXI века религиозный экстремизм ассоциировался с различного рода угрозами и насильственными действиями со стороны радикальных группировок, сект, религиозных фанатиков и пр., то сегодня на первый план выходят его словесные проявления. Уже давно не вызывает сомнений тот факт, что именно речь обладает самой мощной перлокутивной функцией. Посредством различных речевых действий (просьбы, угово-

---

¹ Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (<http://base.garant.ru/12127578/>).

ры, внушения. обещания, угрозы и пр.) происходит имплицитное или эксплицитное воздействие на личность индивида, способное изменить его мировидение и поведение, побудить к определенным поступкам. Порой подобное воздействие может быть благим, иногда губительным, а зачастую во благо одним, другим — во вред. Сегодня человек живет под нескончаемым прицелом «речевых атак» (СМИ, Интернет, реклама), что в значительной степени затрудняет восприятие и фильтрацию распространяемой информации.

Словесный (вербальный) религиозный экстремизм (далее — ВРЭ), как правило, проявляется в виде пропаганды и агитации. Данное явление можно рассматривать как форму насилия над личностью индивида, так как с помощью определенных технологий можно заставить человека совершить поступки, противоречащие его природе, нормам морали, религиозным догматам. Превращение человека в террориста-смертника — это самый страшный пример экстремистской пропаганды и агитации. Пропаганда и агитация — это идеи, облеченные в слова. Таким образом, ВРЭ приобретает собственные правовые и лингвистические характеристики.

В правовом поле ВРЭ — это речевое правонарушение, подразумевающее совершение субъектом вербальных действий (в устной или письменной формах), унижающих человеческое достоинство, оскорбляющих религиозные чувства верующих, возбуждающих ненависть и вражду между представителями различных конфессий, а также призывающих к осуществлению экстремистской и террористической деятельности (Tulkens 2012).

С языковедческих позиций признаки ВРЭ проявляются в текстах различной жанровой и стилистической направленности, в которых экстремистские идеи и призывы актуализируются различными средствами литературного языка и социолектов.

В этой связи особый исследовательский интерес вызывает понятие «язык вражды» / “hate speech” (McGonagle, Tarlach 2013, Perry, Olsson 2009, Prentice, Rayson, Taylor 2010).

Феномен «ЯВ» еще не получил всестороннего научного распространения, но скрывающаяся за ним проблематика обсуждается в международных академических кругах и имеет ярко выраженный междисциплинарный характер. К этому вопросу привлечено внимание отечественных специалистов в области социолингвистики и лингвопрагматики (Карасик, 2002, Копнина 2007, Чернявская 2006), теории речевых жанров и актов (Дементьев 2015, Маслова 2007), межкультурной коммуникации и лингвокультурологии (Тер-Минасова, 2008, Маслова 2004, Шейгал 2002), речевой агрессии и конфликтологии (Жельвис 1992, Матвеева, 2004).

Целесообразно отметить, что перевод английского словосочетания “hate speech” как «языка вражды» (далее ЯВ) вызывает ряд сомнений. Возможно, более корректно с лингвистической точки зрения данное заимствование следует перевести буквально — «речь ненависти». В этом случае имплицитно актуализируется образ «ненавидящего», выступающего в роли субъекта коммуникации. Таким образом, «наличие лингвистической составляющей „речь“ и прагматической составляющей „ненависть“» (Денисова 2008), которую может испытывать адре-

сант сообщения в определенных ситуациях, обуславливает возможность рассматривать «язык вражды» в качестве особого дискурсивного пространства.

В отечественном языкознании существует обобщенная дефиниция ЯВ, предложенная В.В. Кузнецовой и Е.Е. Соколовой: «лингвистические средства выражения резко отрицательного отношения к каким-либо явлениям общественной жизни (культурным, национальным, религиозным и т.п.), а также к людям, являющимся носителями иных, противоположных автору духовных ценностей» (Кузнецова, Соколова 2004).

В рамках классификации, разработанной под руководством Д.А. Дубровского (Дубровский, 2003), тексты внутри которых реализуются элементы ЯВ, подразделяются на две основные категории:

- ◆ Тексты, в которых присутствует деление на «МЫ» и «ОНИ». Противопоставление осуществляется по ряду признаков, которые считаются характерными для каждой группы в целом. Характеристики группы «ОНИ» — отрицательные, группы «МЫ» — положительные.
- ◆ Тексты, помимо разделения на «МЫ» и «ОНИ», содержат побудительные конструкции, призывающие к совершению негативных действий против группы «ОНИ».

Более подробная классификация способов вербальной репрезентации ЯВ присутствует в научном исследовании А.М. Верховского, который выделяет такие типы ЯВ, как «жесткий», «средний», «мягкий» (Верховский 2002):

К способам реализации *жесткого* ЯВ исследователь относит открытые и скрытые (завуалированные) призывы к насилию и/или дискриминации в форме общих лозунгов. Например, зачастую в подобного рода текстах прослеживается пропаганда положительного либо современного, либо исторического опыта насильственно-дискриминационной деятельности.

Репрезентация *среднего* ЯВ предполагает публичное оправдание общепризнанных исторических случаев дискриминации и насилия, утверждения о преступлениях определенной этнической или религиозной группы, обвинения в деструктивном влиянии на социум, государство с целью ее последующей дискредитации.

«Мягкий» ЯВ проявляется в создании общего негативного образа той или иной группы. В данном случае речь идет о упоминаниях названий этнической, религиозной, социальной групп или их представителей в уничижительном контексте.

Пропаганда, агитация, утверждение, оправдание, оскорбление, различного рода эмоции и т.д. — все это актуализируется в текстовом сообщении при помощи как лингвистических, так и экстралингвистических средств.

Принимая во внимание все вышесказанное, отметим следующее: вербальный религиозный экстремизм (ВРЭ) представляет собой многогранное явление, лежащее в плоскости как лингвистических дисциплин, так и правоведения. Соответственно, выявление и описание элементов «языка вражды» (ЯВ) должно определяться правовыми свойствами данного явления.

3. СУДЕБНАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ТЕКСТОВ РЕЛИГИОЗНО-ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ КРУГА ПРОБЛЕМ

3.1. Цель, задачи, предмет, объект

Участие в общественной жизни различных объединений и организаций, отличающихся по своим религиозным, этническим, политическим и социальным убеждениям, не только дает возможность каждому гражданину влиять на ход событий внутри своей страны, но и косвенным образом является причиной роста преступлений, совершаемых по мотивам ненависти, вражды, розни. Увеличение подобного рода противоправных действий также обусловлено стремительным развитием информационных технологий, влияющих на массовое сознание целевой аудитории. Например, специалисты американского научного центра SCNARC², занимающегося когнитивными исследованиями, доказали, что если более 10% участников группы (например, тематические группы/сообщества в социальных сетях) будут искренне разделять определенные идеи, мнения и распространять их, то через некоторое время их неизбежно примет большинство членов такой группы.

В этой связи важно подчеркнуть, что в XXI веке социальные сети, блоги стали универсальным средством общения, количество их пользователей в мире к концу 2017 года составило более 3 миллиардов человек. Характерными особенностями являются: возможность создания открытых и закрытых личных профилей³; обширный спектр средств для обмена информацией с носителями любых идей (фото, видео, текст, личная переписка, формирование тематических сообществ/групп); низкий уровень контроля за контактами и общением пользователей.

Очевидно, что именно в силу своей технической и коммуникативной специфики интернет-пространство постепенно становится главной и самой доступной «трибуной» для различного разного рода адептов, идеологов и экстремистов. Сотрудники МВД РФ подтверждают эту тенденцию и приводят следующие данные: в последние 3—5 лет экстремисты отошли от силовых акций и начали активно пропагандировать свои идеи, вербовать новых сторонников через всемирную паутину. В период с января по сентябрь 2017 года российские суды рассмотрели 1189 уголовных дел этой категории — почти в два с половиной раза больше, чем в предыдущие годы⁴. По данным информационно-аналитического центра «Сова», значительную долю составили обвинительные приговоры именно за экстремистские высказывания, 85% которых публиковались и распространялись через Интернет, в частности в социальных сетях.

Для изучения материалов экстремистской направленности необходимо привлекать специалистов различных областей знания, развивать методологический и инструментальный аппарат экспертной деятельности. На сегодняшний день

² Social Cognitive Networks Academic Research Center, USA: <http://scnarc.rpi.edu>.

³ В личных профилях пользователя часто требуется указать личные данные (ФИО, контакты) и общую информацию о пользователе (место работы/учебы, сфера интересов и т.д.).

⁴ <https://мвд.рф/reports/item/11341800>.

в этот процесс помимо правоведов вовлечены лингвисты, когнитологи, психологи, социологи, философы и религиоведы. В результате возникают трудности в определении сущности экспертизы, ее основной цели, предмета и объекта. Эксперты дискутируют о приоритете тех или иных исследований, создают новые методики анализа, описывающие различные виды экспертиз по делам экстремистской направленности. Однако при этом в современной российской судебной практике наиболее востребованной считается лингвистическая экспертиза.

Судебная лингвистическая экспертиза (далее — СЛЭ) — это самостоятельный вид деятельности процессуального характера, в рамках которой проводится комплексный лингвистический анализ речевого произведения, зафиксированного на любом материальном носителе и выступающего в значении доказательства. СЛЭ может назначаться по спорным текстам СМИ в связи с уголовными делами по обвинению в экстремизме, разжигании межнациональной и религиозной вражды). По результатам проведенного исследования составляется заключение эксперта/специалиста.

Предметом СЛЭ в отношении текстов предположительно религиозно-экстремистской направленности являются факты и обстоятельства, устанавливаемые на основе изучения закономерностей существования и функционирования языка, а *объектом* — художественные и публицистические произведения, тексты интернет-коммуникации (посты, репосты, гиперссылки), лозунги, креолизованные тексты (карикатуры, мемы, демотиваторы, аудио- и видео записи) и т.д.

Основная *цель СЛЭ* заключается в обозначении смысловой направленности спорных текстов и используемых в них приемов пропаганды. Иными словами, необходимо выявить коммуникативно-смысловой функционал подобных сообщений, а именно, определить, какие идеи, установки в них пропагандируются и какими способами они навязываются массовой аудитории.

Таким образом, в круг *задач лингвиста-эксперта* входит идентификация признаков экстремистской деятельности. Как отмечает К.И. Бринёв (Бринёв 2009), эксперту необходимо ответить на три основных вопроса: *присутствуют ли в спорном тексте оскорбительные и уничижительные высказывания в отношении члена той или иной этнической, национальной, религиозной или социальной общности; содержит ли спорное речевое сообщение коммуникативные признаки призыва; создается ли в спорном тексте образ врага.*

В то же время следует понимать, что в процессе проведения СЛЭ по исследуемой нами категории дел существуют вопросы, которые выходят за рамки профессиональных компетенций лингвистов. Например, эксперт не имеет права устанавливать реальные (не коммуникативные) намерения адресанта спорного текста, а также давать оценку возможности или невозможности негативных последствий.

Целесообразно отметить, что описанная выше проблематика проведения СЛЭ по делам о преступлениях религиозно-экстремистской направленности позволяет квалифицировать основные черты вербального экстремизма, но стремительное развитие форм, средств и способов экстремистской деятельности подразумевает необходимость расширения перечня вопросов и состава экспертов для проведения комплексных исследований.

3.2. СЛЭ переводных (вторичных текстов)

Одной из наиболее спорных и сложных проблем судебно-лингвистического исследования считается анализ так называемых «вторичных текстов» (далее — ВТ). В статье под данным понятием подразумевается переводной текст, созданный на базе первичного/исходного текста. В современной судебно-лингвистической экспертологии ВТ как объект изучения существует только де-факто. Прежде всего, этого связано с природой переводного текста и особенностями переводческого процесса.

В современном переводе функционал переводчика предполагает следующее: замена языковых единиц текста на исходном языке эквивалентами другого языка; семантические трансформации безэквивалентной лексики; формирование и оформление текста на языке перевода (Комиссаров 2001). При этом переводчик выступает как посредник, точнее интерпретатор, который в результате своей деятельности создает новый продукт речевой деятельности — текст на языке перевода.

Переводной текст является производным от исходного текста, создается с учетом его определенных характеристик и воспроизводится средствами иного языка в условиях иной культуры (Латышев 1981). Иными словами, перевод — это не просто техническая замена одного языка другим, это многогранный процесс, при котором происходит столкновение языковых, культурных и ментальных парадигм, которые могут относиться даже к различным историческим периодам.

Базируясь на переводческих постулатах Л.К. Латышева, другой отечественный исследователь И.В. Широких, рассматривающий переводной текст как дериват исходного, отмечает, что языковое содержание оригинала практически невозможно воссоздать в полном объеме. Переводные тексты представляют собой особые кодовые преобразования, основанные на субъективности, что придает им *«статистико-вероятностный характер»* (Широких 2002).

Аналогичного мнения придерживается Д.А. Ольшанский, который образно называет перевод особой формой насилия: переводчику приходится либо искать *«„чистый смысл“, тем самым искажая национальный характер текста, либо заниматься индивидуальным творчеством на языке А по мотивам произведения на языке В»* (Ольшанский 2002).

Таким образом, можно сделать вывод, что перевод — это модификация исходного текста, в котором одни аспекты его семантики сохраняются, приобретая более эксплицитную форму, а другие могут редуцироваться вплоть до полной элиминации. Данный факт, безусловно, говорит о противоречивости изучения переводного текста в рамках СЛЭ, так как возникает опасность изменения объекта исследования. Обеспечение сохранности и неизменности объектов исследования в интересах судопроизводства продиктовано их доказательственным статусом. Специалисты расходятся во мнениях относительно возможности рассмотрения вторичных текстов в современной экспертной практике. На сегодняшний день существуют два варианта решений: либо категорически признать переводной текст непригодным для анализа, либо полностью проигнорировать его специфику и про-

водить СЛЭ по алгоритму первичного текста. Во втором случае встает вопрос о необходимости привлечения наряду с судебным экспертом-лингвистом эксперта-переводчика, имеющего подготовку по специальности «Перевод и переводоведение» или эквивалентной. В этой связи градус ответственности, возлагаемой на переводчика, повышается, так как для суда значение будет иметь именно переводной текст, а не оригинал.

Также отметим, что в последние годы в России ужесточилась реакция государства на словесные проявления экстремизма в целом, и религиозного-экстремизма в частности⁵. В правовом поле традиционные лицензионные СМИ (телевидение, радио, газеты) остаются закрытыми площадками для экстремистов-радикалов, а вот всемирная паутина — слабое звено. Власти осознали, что первичный инструментарий фильтрации интернет-контента и блокировки доступа неэффективен.

Интернет-аудитория — необъятна, интернациональна и 24 часа в сутки готова к общению.

При этом абсолютно стираются языковые барьеры. Если пользователь не владеет тем или иным иностранным языком, то «на помощь» всегда придут либо более сведущие «онлайн-друзья», либо онлайн-переводчики (качество перевода может быть далеким от идеала, но общий смысл будет понятен, особенно при наличии графического или видео изображения). Можно написать небольшую ремарку в социальных сетях на любую тему и на любом языке, и уже через мгновение появляются собеседники, готовые обсудить, поспорить или поддержать, а далее уже «дело техники». Методика информационного воздействия — разнообразна, но по своей сути не оригинальна. Она включает в себя старые и хорошо знакомые средства: экспрессивная риторика, подтасовка фактов, игра на необразованности и некомпетентности пользователей в какой-то определенной области знаний, тенденциозная подборка новостей и пр. Данные методы прекрасно работают и в повседневной жизни. Давайте вспомним, как просто «заводится» толпа на массовых митингах, как порой случайно оброненная кем-то фраза начинает домысливаться, обрастать новыми подробностями и в результате приобретает совершенно иную тональность. Социальные сети — это тоже своего рода «толпа людей», только здесь охват массовой аудитории, пусть даже говорящей на разных языках, происходит существенно быстрее. Если еще принимать во внимание тот факт, что у современных интернет-пользователей уже давно выработалась привычка нажимать кнопки “Repost”, “Retweet”, “Share” при виде яркой картинки или заголовка, то процесс распространения каких-либо идей (в том числе и религиозно-экстремистских) напоминает неконтролируемое «цунами».

Для борьбы с таким волнообразным «вбросом» информации необходим регулярный мониторинг виртуального пространства и тщательная проверка его как русскоязычного, так и иноязычного контента.

---

⁵ Дорожная карта национальной безопасности РФ до 2020 года, утвержденная Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537, предусматривает создание развитой системы выявления и противодействия политическому и религиозному экстремизму, национализму и этническому сепаратизму. Несколько пунктов данной программы затрагивают проблему публичных экстремистских высказываний, в том числе и в сети Интернет.

4. К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА СПОРНЫХ ТЕКСТОВ РЕЛИГИОЗНО-ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

4.1. Структурные и содержательные характеристики РЭТ

Разножанровые материалы, содержащие признаки религиозного экстремизма и функционирующие в интернет-пространстве, в частности в социальных сетях *Twitter, Facebook, LiveJournal*, — это сложная система языковых знаков — письменных, визуальных и аудиальных. В рамках семиотической традиции осмысленная последовательность разнородных знаков — это текст. Для наиболее полного определения религиозно-экстремистского текста (далее — РЭТ) необходимо исходить из понятия о тексте в целом.

В лингвистике текст рассматривается с позиций связанности, цельности его содержательных характеристик, а также отношений между автором, адресатом и тем внутренним/внешним контекстом, в котором он реализуется (Барт 1994, Крылова 2006). Иными словами, для полноценного и объективного анализа РЭТ следует комплексно учитывать три уровня знаковой организации: синтактика, семантика и прагматика.

Опираясь на общепринятую концепцию текста, сформулируем следующее определение: РЭТ — это особый вид текста массовой коммуникации, созданный по определенному замыслу автора посредством различных лингвистических и экстралингвистических средств, обладающий специфическими композиционными и семантическими чертами, а также особенной прагматической установкой, стилиевой и жанровой принадлежностью.

Относительно классификации существующих жанровых разновидностей РЭТ анализ практического материала показал, что наиболее часто в социальных сетях на английском и французском языках встречаются тексты малого объема (лозунги), посты, репосты, сообщения и авторские комментарии.

Синтаксический уровень РЭТ

Синтаксический слой РЭТ представляет собой последовательность элементов восприятия, имеющих различный иерархический статус. Синтаксическая иерархия обуславливается особенностями восприятия того или иного типа знака, т.е. зависит от степени однозначности и объективности интерпретации. В этом случае знаки-символы, в большинстве своем языковые, способны организовать текстовое пространство как единое целое. Эти функции в той или иной мере выполняют вербальные структурные компоненты РЭТ, среди которых можно выделить три основных: вербальный текст, визуальный ряд, звучание. Наличие трех различных компонентов внутри одного текста предполагает, что каждый из них *«должен вносить что-либо от себя — ни в одном из них не должно быть пустых мест, провалов, ничего не вносящих в целое»* (Почепцов 2006). Таким образом, изучение структурных элементов РЭТ в их тесном взаимодействии представляется необходимым, так как каждый из них способен подкрепить действия другого или же заменить, взяв его функции на себя. В рамках предпринятого исследования авторов статьи, прежде всего, интересует вербальная часть.

Анализ эмпирического материала показал, что вербальная структура РЭТ обычно включает в себя два компонента: *заголовок*, *основной текст*. Иногда встречаются РЭТ, в которых присутствует 3-й элемент — *эхо-фраза*.

Заголовок РЭТ представляет собой четкое выражение основной идеи сообщения, характеризуется лаконичностью, эмоциональностью, простым и легким языком, способствующему быстрому восприятию и запоминаемости информации. Заголовок должен в доступной форме отражать суть послания, заинтересовать адресата настолько, чтобы он прочитал основной текст. В ходе анализа эмпирического материала удалось выявить заголовки, состоящие минимум из 3—7, а максимум из 10—15 слов.

Таблица 1

Количественные показатели длины заголовков РЭТ

Заголовок	Длина	Перевод (здесь и далее перевод авторов статьи)
Франкоязычные РЭТ		
Dieu aimerait Adolf!	3	Бог полюбил бы Адольфа!
Future est sur Islam!	4	Будущее принадлежит Исламу!
Non, Allah ne nous le reprochera jamais!	7	Нет, Аллах нас в этом никогда не упрекнет!
Le Grand Allah lui-même a demandé à Ibrahim de sacrifier son fils. Qu'attendez-vous?	15	Даже всемогущий Аллах попросил Ибрагима принести в жертву своего сына. Чего же вы ждете?
Англоязычные РЭТ		
For the Caliphate!	3	За Халифат!
Kudos to our true brothers in Islam!	7	Хвала, нашим верным Исламским братьям!
True Soldiers of Allah don't know fear	7	Истинные воины Аллаха не ведают страха!
Living in the world without infidels...	7	Мир без неверных!
Brussels Daily Special: 4 fresh shot dead BLOODY JEWS! Wanna Try????	11	Блюдо дня по-брюссельски: 4 свежестреленных ЧЕРТОВЫХ ЕВРЕЯ! Хочешь попробовать?

Основной текст обычно следует сразу за заголовком и представляет собой совокупность доводов и аргументов, объясняющих и подтверждающих положения, выдвинутые в заголовке. В целом длина основного сообщения варьируется от 25 до 40 слов.

Эхо-фраза встречалась достаточно редко как в английских, так и во французских РЭТ. Тем не менее, наши наблюдения показали, что данный структурный компонент повторяет главную мысль основного текста, подчеркивает ее убедительность.

Например, крайне радикальный англоязычный пост в социальной сети Facebook включал в себя все три структурных элемента:

FOR THE CALIPHATE⁶

I was only 10 when I killed my first infidel. I didn't have a gun. I just stubbed him. At that moment Allah put hands on me and gave blessing...

When ALLAH chooses you, DON'T FAIL

⁶ Данный пост был удален 1 час спустя после размещения. Пользователь заблокирован и внесен в черный список. Количество репостов за 1 час — 356.

(ЗА ХАЛИФАТ!

Мне было всего 10 лет, когда я убил своего первого неверного. У меня не было ружья, поэтому я его просто зарезал. В тот момент сам Аллах положил на меня руки и благословил.....

Когда АЛЛАХ выберет тебя, НЕ ПОДВЕДИ)

В условиях коммуникации в социальных сетях все три структурных компонента РЭТ (заголовок, основной текст и эхо-фраза) сопровождаются графическим и/или видео (аудио) рядом, что значительно сужает спектр интерпретаций экстремистского сообщения⁷.

За основу анализа синтаксических особенностей РЭТ было взято предложение. Предложения изучались по цели высказывания и эмоциональной окраске, а затем классифицировались по принципу частотности. В целом выбор повествовательного, побудительного, вопросительного, восклицательного или отрицательного типа предложений обусловлен желанием автора придать своему сообщению дополнительную смысловую нагрузку. Большинство синтаксических конструкций франкоязычных и англоязычных РЭТ — побудительные и вопросительно-побудительные.

Побудительные предложения отличаются чрезмерной степенью агрессии и зачастую выражают прямой призыв. Так, М.А. Осадчий (Осадчий 2013) предлагает определять побуждение к конкретным экстремистским действиям по наличию в тексте *субъекта*, к которому обращен призыв, *императива* (непосредственное побуждение к преступному деянию) и *объекта* в отношении которого предлагается совершить противоправные действия.

Наиболее яркой императивной функциональностью обладает глагол. Во франкоязычных РЭТ, распространяемых в социальных сетях наци-скинхедами⁸, самыми частотными способами выражения прямого призыва является повелительное наклонение в формах второго (ед. ч) и первого лица (мн. ч.):

Réveille-toi! Protège ta Patrie de ces racailles musulmanes! Fait- les taire une fois pour toutes! (Проснись! Защити свою Родину от этих мусульманских мразей! Заставь их замолчать раз и навсегда!); Non au RACISME! Juifs, Musulman, Hare Krishna et toute cette merde — On s'en fout! Tuons tous! (Нет РАСИЗМУ! Иудеи, Мусульмане и все прочее д**мо⁹ — нам плевать! Убьем (Замочим) Всех!

Однако отметим, что не все интернет-экстремисты так прямолинейны, как французские наци-скинхеды. Например, в англоязычных РЭТ были выявлены вопросительно-побудительные конструкции, реализующие так называемые непря-

⁷ Авторы статьи проводили анализ РЭТ в единстве вербального и графического (видео-аудио) воплощения, однако намеренно отказались от их использования в теле статьи в качестве дополнительного иллюстративного материала, ввиду их крайне оскорбительного и радикального характера.

⁸ Наци-скинхеды считают себя солдатами Четвертого Рейха, которые ведут расовую священную войну. Это радикальные расисты, антисемиты и ксенофобы, жесткие противники нелегальной иммиграции и смешанных браков.

⁹ В нецензурных словах некоторые буквы заменяются на * (зд. и далее).

мые (косвенные) призывы. Как правило, косвенный призыв не предполагает четкого указания на адресата, т.е. получателем информации может стать любой потенциальный читатель. Так, в социальной сети Facebook появился репост изображения маленькой девочки, которая испуганно смотрит на своего отца, читающего газету. На первой полосе газеты изображены мужчины в одежде с символикой «ИГИЛ». Под изображением надпись на английском языке: *Daddy, you'll protect me, right? (Папочка, ты ведь защитишь меня?)*. Важно подчеркнуть, что в РЭТ часто выражается скрытый призыв к действиям, которые сами по себе не являются экстремистскими, но опосредованно связаны с ними. Например, высказывания, побуждающие адресата вступить в какую-либо националистическую организацию или принять участие в акциях против представителей других культур и религий. Так, несколько дней спустя после терактов в Лондоне и Манчестере в английских социальных сетях распространялись листовки, призывающие жителей участвовать в погромах эмигрантских кварталов. Изображение группы молодых людей с бейсбольными битами в руках сопровождалось следующим заголовком: *Are you in or not? (Ты с нами или нет?)*.

Семантический уровень РЭТ

Под семантическим единством РЭТ понимается основная идея, которую автор намеревается донести до своей целевой аудитории, чтобы впоследствии убедить адресата в ее исключительной правильности и побудить к определенным действиям. Как правило, базовой организационной чертой семантического уровня РЭТ является оппозиция, проявляющаяся в негативном контексте. Например, противопоставления «СВОЙ—ЧУЖИЕ», «МЫ—ОНИ», «ХОРОШИЕ—ПЛОХИЕ». Впоследствии эти содержательные характеристики сливаются воедино и образует общий оценочный образ «ИДЕАЛ—ВРАГ». В современной отечественной и зарубежной лингвистической парадигме данные противопоставления изучаются с позиций различных теоретических и методологических подходов.

Например, по мнению Е.И. Шейгал (Шейгал 2000), подобные оппозиции в тексте реализуются посредством осмысленного подбора оценочной лексики (положительной или отрицательной), могут иметь как эксплицитную (наличие специальных маркеров), так и имплицитную форму выражения (идеологические коннотации, общая тональность дискурса).

В исследованиях О.С. Иссерс и М.Х. Рахимбергеновой противопоставления, в частности «СВОЙ—ЧУЖОЙ», описываются с точки зрения языкового выражения межэтнических взаимодействий: «В „своих“ все вызывает интерес: где живут, что едят, как общаются, мотивация действий, обычаи, традиции». Отношение к «чужим» отличается наличием негативных эмоций — страх, отвращение, безразличность, отторжение и т.д. (Иссерс, Рахимбергенова 2007).

Для создания отрицательных и положительных образов в англоязычных и франкоязычных РЭТ используется обширный спектр средств выразительности на всех уровнях языка. Анализ эмпирического материала показал, что к наиболее частотным стилистическим средствам в РЭТ на уровне лексики относятся: *анти-теза, метафора, персонификация, сравнение*.

Общеизвестно, что метафора представляет собой перенос свойств одного объекта на другой ввиду их прямого или косвенного сходства. Обычно метафора воспринимается ярче, если сходство с реальным объектом наименее очевидно. Адресат, сталкиваясь с метафоризацией информации, начинает мыслить образно, соответственно рациональное мышление и способность декодировать истинный смысл полученной информации снижается. Например, сообщение одного пользователя социальной сети Tweeter после терактов в Париже в ноябре 2015:

Notre monde est malade. Ils l'ont infecté. Leur Allah bénisse la pire épidémie que ce monde ait connu. Notre Dieu est indulgent, mais même LUI est fatigué! Allons tuer cette maladie sale. Et que Dieu nous vienne en aide! (Наш мир болен. Они заразили его. Их Аллах благословил самую страшную эпидемию, которую когда-либо знал этот мир. Наш Бог — всепрощающий, но даже ОН устал! Давайте уничтожим эту грязную заразу. И да поможет нам в этом Бог!)

Сравнение и пресонификация активно используются в качестве приемов для создания образа «ВРАГ». Например:

We can have only one Russian friend. It's KALASHNIKOV (У нас может быть только один русский друг. Это Калашников!); Qui a besoin de ces pleurnicheurs chrétiens! Nous les écrasons comme des cafards (Кому нужны эти христианские нытики! Мы их раздавим как тараканов); Goddamn Muslims and the rest! There are so many of them, just everywhere. It's like the gates of HELL open up and let Demons get their hands on our world. (Чертовы Мусульмане и иже с ними! Да, они везде! Как-будто ворота ада открылись и выпустили демонов, чтобы они прибрали к рукам наш мир.)

Анализ РЭТ также показал, что максимально ярко и четко образ «чужого» можно сформировать при помощи антитезы. Этот стилистический прием используется авторами РЭТ, чтобы противопоставить контрастирующие понятия и показать адресату, что хорошо, а что плохо. В качестве примера приведем своеобразный манифест сторонников радикально-экстремистской группировки «ИГИЛ», который получил большое количество репостов в социальных сетях Facebook и LiveJournal:

FUTURE BELONGS TO US¹⁰

When YOU drink or take drugs — WE train our body and spirit!!!

When YOU relax — WE work!!!

WE get new recruits every day — YOU lose people!!!

YOU know NOTHING about US — WE know ALL about you!!!

Any word, any action against US — MAKE US STRONGER!!!

Join to OUR VICTORY or BE SCARED!!!

Read this post and BE SCARED!!!

Look how close WE ARE!!!

(БУДУЩЕЕ ПРИНАДЛЕЖИТ НАМ

Когда ВЫ пьете или принимаете наркотики — МЫ тренируем тело и дух!!!

МЫ приобретаем новых сторонников каждый день — ВЫ теряете людей!!!

¹⁰ В данном примере сохранена графическая капитализация слов, которая использовалась авторами для усиления эффекта воздействия.

*ВЫ НИЧЕГО не знаете про нас — МЫ знаем про ВАС ВСЕ!!!
Любое слово, Любое действие против НАС — ДЕЛАЕТ НАС СИЛЬНЕЕ!!!
Присоединяйся к НАШЕЙ ПОБЕДЕ ИЛИ БОЙСЯ НАС!!!
Читай этот пост И БОЙСЯ!!!
Посмотри, КАК МЫ БЛИЗКО!!!)*

Использованные в составе данной антитезы лексические антонимы, повторы, параллельные грамматические конструкции эксплицитно выражают оппозицию «СВОЙ—ЧУЖОЙ», формируют образ «ВРАГА», явно и четко, путем апелляции к страху призывают адресата вступить в ряды данной организации!

Прагматический уровень РЭТ

Прагматический потенциал религиозно-экстремистских сообщений в условиях интернет-коммуникации имеет ряд особенностей. Основной фактор, который необходимо принимать во внимание при анализе данных видов текста — это религиозная и общественно-политическая тональность коммуникации в социальных сетях. Субъекты такой коммуникации воспринимаются как носители определенной религиозной, политической и общественно значимой идеологии. Для них создание и распространение экстремистских посланий — это, прежде всего, способ достижения идеологического идеала (Голиков 2012). А.Н. Баранов отмечает, что подобные характерологические особенности изначально создают благоприятные условия для реализации и последующего функционирования экстремистских посланий (Баранов, 2007). РЭТ, появляющиеся в социальных сетях, имеют публичный коммуникативный характер, так как нацелены на массовую, а не на конкретную аудиторию. Каким образом пользователи социальных сетей воспримут тиражируемую информацию — нельзя ни предугадать, ни фактически проверить. Кроме того, различные интернет-жанры РЭТ распространяются в условиях анонимности, порожденной спецификой виртуальной коммуникации (дистантность общения, логины). На наш взгляд, именно анонимность создает ощущение безнаказанности, ведет к разрушению речевой, моральной и правовой нормативности.

Как показали наши наблюдения, вербальное и визуальное воплощение франкоязычных и англоязычных РЭТ направлено на достижение двух коммуникативных целей: заставить адресата совершить определенные действия (прямые и косвенные призывы в структуре РЭТ); сформировать или же изменить его мировоззрение (использование широкого спектра убеждающих средств: от поощрения до порицания и угроз). Обе эти цели в большинстве исследуемых нами примеров сопровождались инвективностью. Таким образом, можно сделать вывод, что оскорбления как визуального, так и вербального характера — это базовая черта религиозно-экстремистских сообщений, способствующая их коммуникативной успешности.

4.2. РЭТ: степень переводимости

Принимая во внимание неоднозначное отношение современной экспертологии к иноязычному (вторичному) тексту как к объекту СЛЭ, а также тот факт, что в случае выявления в подобном тексте религиозно-экстремистской семантики в суде рассматривается именно его перевод, а не оригинал — проблема адекватности перевода стоит особенно остро. Общеизвестно, что основная трудность

переводческой деятельности заключается в поиске эквивалентности. Для переводчика, осуществляющего перевод текста в процессе СЛЭ, эквивалентность приобретает первостепенное значение.

В теории перевода понятие «эквивалентность» предполагает «постоянное равнозначное соответствие», которое рассматривается на уровне слова, предложения и всего текста (Рецкер, 2004). Однако на практике, особенно если речь идет о лексической эквивалентности «*равенство объектов во всех отношениях*», невозможно (Латышев, Семенов 2008).

В данном параграфе авторы статьи предпринимают попытку выявить комплекс проблем, возникающих в процессе перевода религиозно-экстремистских текстов, а также определить стратегии и тактики, позволяющие адекватно воссоздать на другом языке продукт, максимально эквивалентный оригинальному тексту.

Большая часть исследуемых нами РЭТ обладает всеми признаками креолизованного текста. Креолизованность¹¹ текста может как затруднить, так и облегчить переводческий процесс. Важно подчеркнуть, что если переводчик сталкивается с креолизованным текстом, то помимо вербальных составляющих ему необходимо учитывать и иконические. Как справедливо отмечает Н.М. Дугалич, в этом случае создается своего рода новый текст, который «*должен быть эквивалентен первичному, содержать итог декодирования визуального ряда и анализ содержания непрямого варианта, т.е. прецедентные, метафорические, специфические социокультурные данные и другие парадигмы как текстового, так и иконического плана*» (Дугалич 2017).

Как показали наши наблюдения, англоязычные и франкоязычные РЭТ, функционирующие в международных социальных сетях и блогосферах, подразделяются на 3 типа по степени переводимости на русский язык:

- ◆ полная переводимость;
- ◆ частичная переводимость;
- ◆ сложная переводимость.

Рассмотрим данную типологию на конкретных примерах.

Полная переводимость:

Пост на английском языке в сети Facebook, включающий в себя вербальный и иконический элементы:

Изображение: Бритоголовый молодой человек в джинсах с камуфляжным рисунком и подвернутыми манжетами, в грубых армейских ботинках одной рукой держит за горло бородатого мужчину в чалме и длинной белой рубашке. Вторая рука занесена для удара.

Исходный текст (ИТ):

To be or not to be?
Beat or not to beat?
Stop asking questions!
Just beat!

---

¹¹ 54 текста и 70 составивших картотеку исследования содержат иконические (изобразительные) компоненты.

Перевод (ПТ):

Быть или не быть?

Бить или не бить?

Хватит задавать вопросы!

Просто бей!

В данном случае наблюдается абсолютный параллелизм структуры и лексического наполнения ИТ и ПТ. Небольшой объем лексики, простые синтаксические конструкции, отсутствие полисемантических слов позволяют осуществить дословный последовательный перевод всех компонентов без каких-либо трансформаций. Графическое изображение также однозначно декодируется.

Пост на французском языке в сети Facebook, включающий в себя вербальный и иконический элементы:

Изображение: Николя Саркози в военной форме грозно наблюдает за тем, как группу людей в национальной мусульманской одежде сажают в крытые грузовики.

ИТ: *Envoyez-les TOUS à Pétaouchnok!*

ПТ: *Отправить их всех в Тмутаракань!*

В этом примере также видим дословный перевод на всех уровнях, несмотря на наличие в тексте фразеологизма. Обычно перевод иноязычных ФЕ сопряжен с определенными трудностями, однако здесь переводчику удалось их преодолеть. Во французском языке ФЕ “Pétaouchnok” обозначает далекий населенный пункт, настолько удаленный и недоступный, что никто точно не знает, где он находится и как туда попасть. Предположительно “Pétaouchnok” находится в Южной Америке. Для русского человека таким же далеким и неизвестным местом считается город Тмутаракань, столица древнего княжества, когда-то входившего в состав Киевской Руси. Переводчик сохранил топонимическое обозначение и передал национально-культурную специфику. Иконический компонент ИТ соответствует вербальному воплощению и абсолютно понятен адресату. Николя Саркози — фигура, известная во всем мире! Кроме того, бывший французский Президент в свое время публично позволял себе некорректные высказывания по отношению к представителям других национальностей. Так, во время беспорядков в пригородных районах Парижа в 2005 году он публично назвал их участников (мигрантов) — “*voyeurs et racailles*” (*хулиганы и отбросы*) и призвал французов “*nettoyer les rues par KARCHERS*” (*очистить улицы города при помощи моющих машин фирмы «Керхер»*).

Частичная переводимость

Авторский комментарий в Tweeter после новостных сообщений о теракте в Лондоне 22 марта 2017 года:

Неизвестный мужчина за рулем автомобиля сначала сбил несколько прохожих, а затем смертельно ранил офицера британской полиции. Ответственность за эту атаку взяла на себя запрещенная в России и в мире террористическая группировка ИГИЛ. Премьер-министр Тереза Мей, в свою очередь, официально заявила, что убийца действовал в одиночку, но был «воодушевлен исламистской идеологией». Террорист был убит при задержании.

Изображение: отсутствует

ИТ: *It serves you right, ASSHOLE! Bullet in your head for our guy!!!!*

ПТ: *Так тебе и надо, КОЗЁЛ. Пулю ему в голову за нашего парня!*

В данном примере трудность в достижении полной эквивалентности обусловлена наличием в ИТ полисемичной лексемы “*asshole*”, которая согласно англо-русским словарям может иметь следующие значения: *задница, анус, глупый и нудный человек*. Переводчик отходит от буквального перевода и использует прием лексической замены с зоосемантическим компонентом. Отметим, что изначально в русском языке слово «*козел*» не считается табуированным, но при определенном контексте может расцениваться как обзывание и оскорбление. Кроме того, в определенной степени данный пример иллюстрирует прием эвфемизации. В англо-русских словарях ненормативной лексики содержатся гораздо более оскорбительные варианты перевода данной лексемы: *урод, придурок, кретин, мудака, говнюк, у***к* и пр. Переводчик не может точно определить степень авторского эмоционального накала, поэтому выбирает относительно нейтральную по сравнению с другими лексему.

Правомерность переводческих приемов в данном примере, с нашей точки зрения, не вызывает сомнений. Как отмечает Т.В. Ларина, английские и русские инвективы не следует переводить дословно, так как они зачастую имеют различные коннотации. Сталкиваясь с бранной лексикой, переводчику необходимо отобразить ее эмоциональное звучание путем подбора адекватных русских языковых средств, допустимых в «*подобных коммуникативных контекстах*» (Ларина 2009: 391).

Вышесказанное можно отнести и к примерам франкоязычных РЭТ, в которых также очень часто используются инвективные лексемы:

Авторский комментарий в Tweeter, после серии терактов в Париже в 2015 г.

Изображение: отсутствует

ИТ: *Hey, Hollande! Que tu vas faire maintenant avec ces enfants de merde? L'après-midi ils lisent leur Coran dans les mosquées au centre-ville, le soir ils font sauter les Parisiens...*

ПТ: *Эй, Олланд! Что ты теперь собираешься делать с этими сукинными детьми? Днем они читают свой Коран в мечетях в центре города, а по вечерам взрывают Парижан...*

Переводчик отказался от буквального перевода словосочетания “*enfants de merde*” (буквальный перевод французского слова “*merde*” — г**но, д**мо), подобрав замену — «*сукины дети*». Несмотря на то, что перевод словосочетания по степени экспрессии относится к матерной лексике, его вполне можно назвать адекватным и уместным в данном коммуникативном контексте.

Сложная переводимость

Репост в открытой группе с тематическим названием “*Quoi de neuf en France?*” (Что нового во Франции?) в социальной сети Facebook.

Изображение: Ночь, на фоне Эйфелевой башни группа людей: мужчины разного возраста в камуфляже. На лицах — черные маски, в руках автоматы.

ИТ: *La Nuit tombe, les Infidels aussi!*

ПТ: *С наступлением ночи неверные умирают!*

В данном примере высокий уровень сложности перевода обусловлен использованием каламбура в ИТ. В ИТ обыгрывается первичное значение глагола «*tomber*» (*падать*) и ФЕ «*La nuit tombe*» (*наступила ночь*). С одной стороны, переводчику удалось перевести всю конструкцию на русский язык с опорой на иконический компонент, но в ПТ игра слов, равно как и их двойное значение, были утеряны.

Сообщение на английском языке в Tweeter:

Изображение: отсутствует

ИТ: 14/88 — Forever!!!!

ПТ: 14/88 — Навсегда!!!

Переводчик предлагает дословный перевод, однако здесь требуется подробный переводческий комментарий, без которого невозможно понимание ни смысла данной фразы, ни авторской интенции. Дело в том, что в ИТ присутствует своего рода цифровой код, хорошо знакомый сторонникам нацистской идеологии: 14 — это количество слов в расистской цитате Дэвида Лейна¹², 88 — количество заповедей, прописанных в его манифесте по обеспечению установления, сохранения и защиты белого населения в мире.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследуемые нами различные жанры англоязычных и франкоязычных РЭТ обладают как общими (*мультимедийность, креолизованность, гипертекстуальность*), так и отличительными чертами (*регламентированность, характер направленности на адресата, лингвостилистические особенности*).

Проведенный анализ показал, что подобные структурные и содержательные характеристики создают особые переводческие проблемы, ставят перед переводчиком особые задачи, особенно если впоследствии созданный им переводческий текст будет выступать в качестве объекта судебно-лингвистической экспертизы. Основные трудности перевода РЭТ обусловлены их жанровой спецификой, которая подразумевает соблюдение темпоральной напряженности, а также многозначностью лексем, их номинативной детализацией и наличием национально-прецедентной информации. Кроме того, тексты религиозно-экстремистской направленности осуществляют ряд функций, которые важно принимать во внимание при выборе тех или иных лексем, грамматических и синтаксических конструкций. Если переводчик имеет дело с креолизованным типом РЭТ, то при переводе важно учитывать экстралингвистическое значение визуального ряда. В целом эквивалентность перевода РЭТ достигается в рамках концепции «нейтрализации», заключающейся в необходимости соответствовать установленным переводческим нормам наряду с передачей коммуникативной цели высказывания, учета контекста и лингводискурсионных особенностей.

© А.С. Борисова, Ж.В. Кургузенкова, В.Д. Никишин, 2018

---

¹² Дэвид Лейн — приверженец идей белого национализма. Его знаменитая цитата: “We must secure the existence of our people and a future for White children”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Антонова Ю.А. и др. Экстремистский текст и деструктивная личность. Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2014. [Antonova, Yu. A. and al. (2014). *Ekstremistskii tekst i destruktivnaya lichnost'* (Extremist Text and Destructive Personality). Ural. gos. ped. un-t. Ekaterinburg. (In Russ.)]
- Арутюнова Н.Д. Дискурс // Языкознание. Большой лингвистический словарь. М.: Большая Рос. Энцикл., 1998. С. 136—137. [Arutyunova, N.D. (1998). *Diskours.Yazikoznanie* (Discourse and Linguistics). *Bol'shoi lingvisticheskii slovar'*. M.: Bol'shaya Ros. Entsikl. 136—137. (In Russ.)]
- Баранов А.Н. Авторизация текста: пример экспертизы // Введение в прикладную лингвистику: Учебное пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2001. [Baranov, A.N. (2001). *Avtorizatsiya teksta: primer ekspertizy // Vvedenie v prikladnuyu lingvistiku* (Text Authorization. Introduction to Applied Linguistics). *Uchebnoe posobie*. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)]
- Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М.: Флинта: Наука, 2007. [Baranov, A.N. (2007). *Lingvisticheskaya ekspertiza teksta: teoriya i praktika* (Text Linguistic Examination: Theory and Practice). Moscow: Flinta: (In Russ.)]
- Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 462—518 [Bart, R. (1994). *Izbrannyye raboty: Semiotika. Poetika* (Selected Papers: Semiotics. Poetics. Moscow, pp. 462—518. (In Russ.)]
- Бринев К.И. Судебная лингвистическая экспертиза. Методология и методика. М.: Наука, Флинта, 2014. [Brinev, K. I. (2014). *Sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza. Metodologiya i metodika* (Forensic Linguistic Examination: methodology and methods). M: Nauka, Flinta. (In Russ.)]
- Бурковская В.А. Криминальный религиозный экстремизм в современной России. М.: Ин-т правовых и сравнительных исследований, 2005. 49 с. [Burkovskaya, V. A. (2005). *Kriminal'nyi religioznyy ekstremizm v sovremennoi Rossii* (Criminal religious extremism in modern Russia). Moscow: Institut pravovykh i sravnitel'nykh issledovaniy. (In Russ.)]
- Верховский А.М. Цена ненависти. Национализм в России и противодействие расистским преступлениям: сб. статей. М.: Центр «Сова», 2005. 256 с. [Verkhovskii, A. M. (2005). *Tsena nenavisti. Natsionalizm v Rossii i protivodeistvie rasistskim prestupleniyam* (The price of hatred. Nationalism in Russia and Counteracting Racist Crimes). Moscow: Tsentr «Sova». (In Russ.)]
- Галяшина Е.И. Лингвистика vs экстремизма: в помощь судьям, следователям, экспертам / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. М.: Юридический мир, 2006. [Galyashina, E. I. (2006) *Gorbanevskii M. V. (eds.) Lingvistika vs ekstremizma* (Linguistics vs Extremism). Moscow: Yuridicheskii mir. (In Russ.)]
- Галяшина Е.И. Основы судебного речеvedения: Монография / под ред. М.В. Горбаневского. М.: СТЭНСИ, 2003. 236 с. [Galyashina, E. I. (2003) *Gorbanevskii M. V. (eds.) Osnovy sudebnogo rechevedeniya* (Basics of Forensic Linguistics). Moscow: STENSI. (In Russ.)]
- Галяшина Е.И. Судебная экспертиза вербальных проявлений экстремизма: правовые и методические проблемы // *Эксперт-криминалист*. 2009. № 2. С. 14—16. [Galyashina, E. I. (2009). *Forensic Examination of Verbal Manifestations of Extremism: Legal and Methodological Problems. Expert-Criminalist*, 2, 14—16. (In Russ.)]
- Гладилин А.В. «Язык вражды» как коммуникация // *Современные исследования социальных проблем* № 11(19), 2012. [Gladilin, A. V. (2012). "Hate speech" as Communication. *Society of Russia: educational space, psychological structures and social values*, 11(19). (In Russ.)]
- Голев Н.Д., Матвеева О.Н. Значение лингвистической экспертизы для юриспруденции и лингвистики // *Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации* // Под ред. проф. М.В. Горбаневского. 3-е изд., испр. и доп. М., Галерея, 2002. [Golev, N.D., Matveeva, O.N. (2002). *Znachenie lingvisticheskoi ekspertizy dlya yurisprudentsii i lingvistiki* (Linguistic Examination in Law and Linguistics). *Tsena slova: Iz praktiki lingvisticheskikh*

ekspertiz tekstov SMI v sudebnykh protsessakh po iskam o zashchite chesti, dostoinstva i delovoi reputatsii. Pod red. prof. M.V. Gorbanevskogo. 3-e izd., ispr. i dop. Moscow: Galeriya, (In Russ.)]

- Дубровский Д.В. и др. Язык вражды в русскоязычном Интернете: материалы исследования по опознаванию текстов ненависти. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2003. 72 с. [Dubrovskii, D. V. (2003). *Yazyk vrazhdy v russkoyazychnom Internetе: materialy issledovaniya po opoznaniyu tekstov nenavisti* (Hate speech in the Russian-language Internet: materials of the study on the identification of hate texts). Saint Petersburg: EUSP Press. (In Russ.)]
- Дугалич Н.М. Проблема перевода вербального компонента креолизованного текста политической карикатуры (на материале арабского и французского языков) // *Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2017. Т. 8. № 4. С. 902—91 [Dugalich, N.M. (2017). The problem of translating the verbal component of the creolized text of the political caricature (based upon the material of the Arabic and French languages). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2017, 8 (4), 902—911. (In Russ.)].
- Жельвис В.И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. Изд. 2-е. М.: Ладомир, 2001. [Zhelvis, V.I. (2001). *Field of battle. Swearing as a social problem in the languages and cultures*. 2-nd edition. Moscow: Ladomir Publ, 2001 (In Russ.)].
- Иссерс О.С. Языковые маркеры этнической ксенофобии (на материале российской прессы) [Электронный ресурс] / О.С. Иссерс, М.Х. Рахимбергенова. Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/issers-rakhimbergenova-07.htm>. [Issers, O. S., Rakhimbergenova, M.H. *Yazykovye markery etnicheskoj ksenofobii* (na materiale rossiiskoi pressy). Retrieved from: <http://www.philology.ru/linguistics2/issers-rakhimbergenova-07.htm>. (In Russ.)].
- Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. [Karasik, V.I. (2002). *Yazykovoy krug: Lichnost, concepti, diskours*. Volgograd: Paradigma. (In Russ.)]
- Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. 2-е изд., испр. М.: Р. Валент, 2014. [Komissarov, V.N. (2014). *Sovremennoye perevodovedeniye* (Theory of translation). Moscow. (In Russ.)]
- Крылова О.А. Лингвистическая стилистика. Кн. 1: Теория. Уч. пособие. М., 2006. [Krylova, Olga (2006) *Lingvisticheskaya stilistika*. Kn. 1: Teoriya. Uch. Posobie. Moscow. (In Russ.)]
- Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2005. [Krysin, L.P. (2005). *Tolkovyi slovar' inoyazychnykh slov* (Dictionary of Foreign Words). M.: Eksmo, 2005. (In Russ.)]
- Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Языки славянских культур, 2009. (Язык. Семиотика. Культура). [Larina, Tatiana (2009). *Politeness and Communicative Styles: comparative analyses of English and Russian communicative traditions*, Moscow: Languages of Slavic Cultures Publ. (Language, Semiotics, Culture). (In Russ.)]
- Ларина Т.В., Озюменко В.И., Горностаева А.А. Сквернословие в речи носителей английского языка: функционально-прагматический аспект // *Вопросы психолингвистики*. 2012, 2 (16), С. 30—39. [Larina, Tatiana, Ozyumenko, V., Gornostaeva, A. (2012). Swear Words in English Communication: Meaning and Functions. *Journal of Psycholinguistics*, 2 (16), 30—39. (In Russ.)]
- Латышев Л.К., Семенов А.Л. Перевод: Теория, практика и методика преподавания: Учебник. 4-е изд., степ. М.: Издательский центр «Академия». [Latyshev, L.K., Semionov, A.L. (2008) *Perevod: Teoriya, praktika y metodyka prepodavaniya* (Translation: Theory, practice and teaching methodology). Moscow: Akademiya. (In Russ.)]
- Озюменко В.И. Медийный дискурс в ситуации информационной войны: от манипуляции — к агрессии // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2017. Т. 21. № 1. С. 203—220. [Ozyumenko, V. I. (2017). [Media Discourse in an Atmosphere of Information Warfare: From Manipulation to Aggression]. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (1), 203—220. (In Russ.)]

- Осадчий М.А. Русский язык. На грани права. М.: Либроком, 2013. [Osadchii, M.A. (2013). *Russkii yazyk. Na grani prava* (Russian Language. Law Line). M.: Librokom (In Russ.)]
- Ольшанский Д.А. Межкультурная коммуникация: насилие перевода // Материалы международной научно-практической конференции «Коммуникация: теория и практика в различных социальных контекстах» — «Коммуникация-2002» (“Communication across Differences”) Ч. II. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2002. С. 12—14. [Ol'shanskii, D.A. (2002). *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya: nasilie perevoda* // *Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii “Kommunikatsiya: teoriya i praktika v razlichnykh sotsial'nykh kontekstakh” — “Kommunikatsiya-2002”* (“Communication across Differences”) Ch. II. Pyatigorsk: Izd-vo PGLU, pp. 12—14. (In Russ.)]
- Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. М.: Валент, 2004. [Retsker, Y.I. (2004) *Teoriya perevoda y perevodcheskaya praktika* (Theory and practice of translation). Moscow: Valent. (In Russ.)]
- Стернин И.А. Проблемы сквернословия. Изд. 6-е. М.—Берлин: Директ-Медиа, 2015. [Sternin, I.A. (2015). *Problems of swearing*. 6th ed. Moscow—Berlin: Direct-Media. (In Russ.)]
- Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990 (Sorokin, Yu.A. Tarasov, E.F. (1990). *Creolized texts and their communicative function*. In *Optimization of speech influence*. Moscow. (In Russ.)]
- Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур. М.: Слово, 2008. [Ter-Minasova, S.G. (2008). *Voina i mir yazykov i kul'tur* (War and Peace: Languages and Cultures). Moscow: Slovo. (In Russ.)]
- Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: Проблемы речевого воздействия. М.: Флинта, 2012. [Chernyavskaya, V.Ye. (2012). *Diskours vlasti i vlast' diskoursa* (Power Discourse and Discourse Power M.: Flinta. (In Russ.)]
- Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000). Екатеринбург, 2001. [Chudinov, A.P. (2001). *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoi metafory* (1991—2000). Ekaterinburg. (In Russ.)]
- Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. [Sheigal, E.I. (2004). *Semiotika politicheskogo diskoursa* (Semiotics of Political Discourse) Moscow: Gnozis. (In Russ.)]
- Щербинина Ю.В. Речевая агрессия. Территория вражды. М.: Форум, 2016. [Scherbinina, Yu.V. (2016). *Verbal aggression. The territory of enmity*. Moscow: Forum Publ. (In Russ.)]
- McGonagle, Tarlach. (2013, November 7—8) The Council of Europe against online hate speech: Conundrums and challenges. Expert paper. Belgrade: Council of Europe Conference of Ministers responsible for Media and Information Society.
- Ponton D., Larina T. (2016). Discourse Analysis in the 21st Century: Theory and Practice (I). *Russian Journal of Linguistics*, 20 (4), 7—25.
- Ponton D., Larina T. (2017). Discourse Analysis in the 21st Century: Theory and Practice (II). *Russian Journal of Linguistics*, 21 (1), 7—21.
- Perry, B., & Olsson, P. (2009) Cyberhate: the globalization of hate. *Information & Communications Technology Law*, 18(2). Retrieved from <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/13600830902814984>.
- Prentice, S., Rayson, P., & Taylor, P. (2010). The language of Islamic extremism: Towards an automated identification of beliefs, motivations and justifications. *International Journal of Corpus Linguistics*.
- Tulkens, Françoise. (2012, October 12) When to say is to do Freedom of expression and hate speech in the case-law of the European Court of Human Rights. Strasbourg: Seminar on Human Rights for European Judicial Trainers.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 15 января 2018

Дата принятия к печати: 21 марта 2018

Для цитирования:

Борисова А.С., Кургузенкова Ж.В., Никишин В.Д. Проблема перевода религиозно-экстремистских текстов в процессе судебной лингвистической экспертизы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 22. № 2. 448—473. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-2-448-473.

Сведения об авторах:

БОРИСОВА АННА СТЕПАНОВНА — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН. *Сфера научных интересов:* язык, культура, коммуникация; межкультурная прагматика; межкультурная коммуникация; дискурс-анализ, теория и практика перевода. *Контактная информация:* e-mail: borissovaa_anna@mail.ru

КУРГУЗЕНКОВА ЖАННА ВЯЧЕЛАВОВНА — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры языковой подготовки кадров государственного управления факультета международного регионоведения и регионального управления Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. *Сфера научных интересов:* социолингвистика; язык и культура; межкультурная коммуникация; дискурс-анализ, переводоведение. *Контактная информация:* e-mail: zhanna-rudn2005@rambler.ru

НИКИШИН ВЛАДИМИР ДМИТРИЕВИЧ — ассистент кафедры судебных экспертиз, аспирант Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА); *Сфера научных интересов:* судебная лингвистическая экспертиза, прикладная лингвистика. *Контактная информация:* e-mail: nikishin.v.d@mail.ru

DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-2-448-473

**TRANSLATION OF RELIGIOUS AND EXTREMIST TEXTS:
FORENSIC-LINGUISTIC EXPERT EXAMINATION**

**ANNA S. BORISSOVA¹, ZHANNA V. KURGUZENKOVA²,
VLADIMIR D. NIKISHIN³**

¹Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

²Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration (RANEPА)
84 Vernadsky Prospekt, Moscow, 119606, Russian Federation

³Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
9 Sadovo-Kudrinskaya St., Moscow, 125993, Russian Federation

Abstract

Extremism is one of the most dangerous threats to humanity in the 21st century. The spread of this phenomenon in the world is characterized not only by the increase in the number of extremist crimes, but also by the variety of their forms. Currently, translated texts and texts including foreign speech are often come on judicial proceedings of the Russian Federation concerning cases against verbal religious

extremism. The article highlights theoretical basis of forensic-linguistic expertology, the tasks for translators acting as experts; the limits of competence are outlined. The authors reveal a complex of problems which appears in the process of translating religious extremist texts; determine the strategies and tactics that allow to create a product equivalent to the original text in a different language. Equivalence of translation is considered within the framework of “neutralization” concept, which should be complied with the established translation norms along with the transfer of communicative purposes in the utterance, context and linguistic peculiarities. Heterogeneous texts of Internet communication in English and French, containing religious extremist information (posts, reposts, memes, slogans, messages in social networks) were the material for the research. These types of texts have both general (multimedia, creole, hypertextuality) and distinctive features (regulation, focus on the addressee, language features). The methods of contextual, structural — semantic, comparative and linguocultural analysis were applied in the study. In general, the article is focused on specialists in the field of legal linguistics, theory and practice of translation, discourse analysis.

Keywords: *legal linguistics, forensic-linguistic expert examination, religious extremist text, Internet communication, translation*

Article history:

Received: 15 January 2018

Revised: 18 February 2018

Accepted: 21 March 2018

For citation:

Borissova, Anna S., Zhanna V. Kurguzenkova, and Vladimir D. Nikishin (2018). Translation of Religious and Extremist Texts: Forensic-Linguistic Expert Examination. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (2), 448—473. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-2-448-473.

Bionotes:

Dr. ANNA S. BORISSOVA is Associate Professor at RUDN University. Her *research interests* embrace language, culture and communication; intercultural pragmatics; intercultural communication; discourse analysis; translation studies. *Contact information:* e-mail: borissovaa_anna@mail.ru

Dr. ZHANNA V. KURGUZENKOVA is Associate Professor at Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. *Research interests:* sociolinguistics; intercultural communication; language and culture; discourse and translation studies. *Contact information:* e-mail: zhanna-rudn2005@rambler.ru

VLADIMIR D. NIKISHIN is an assistant lecturer, postgraduate of Forensic expertise department of Kutafin Moscow State Law University (MSAL). His *research interests* are focused on forensic and applied linguistics. *Contact information:* e-mail: nikishin.v.d@mai